

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Централизованная библиотечная система города Рязани
Центральная городская библиотека имени С.А. Есенина
Информационно-библиографический отдел

«Не дикий помещик»

(виртуальный обзор литературы
к 195-летию со дня рождения
Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина)

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

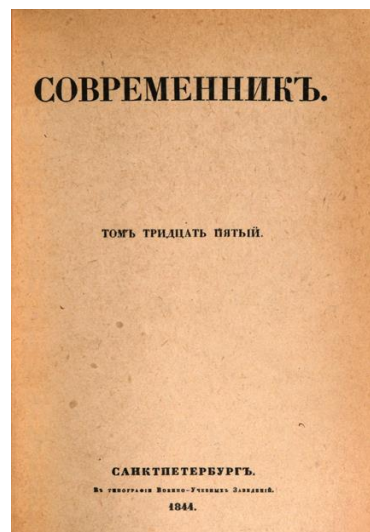
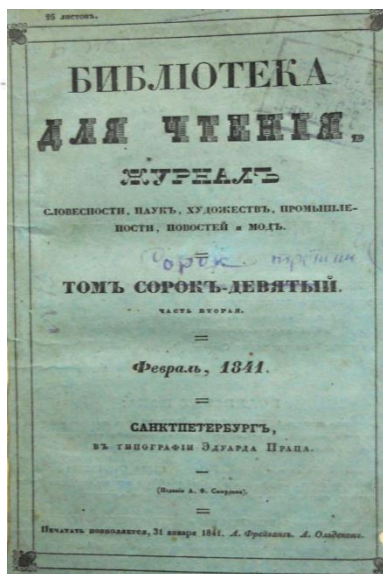
1826-1889

Из биографии писателя

Михаил Евграфович Салтыков родился 15 (27) января 1826 года в старинной дворянской семье в имении родителей в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Он был шестым ребёнком потомственного дворянина и коллежского советника Евграфа Васильевича Салтыкова (1776—1851) и Ольги Михайловны Забелиной (1801—1874), дочери московского дворянина.

Первым учителем М. Е. Салтыкова был крепостной человек его родителей, живописец Павел Соколов; потом с ним занимались старшая сестра, священник соседнего села, гувернантка и студент Московской духовной академии. Десяти лет от роду он поступил в Московский дворянский институт, а два года спустя был переведён, как один из лучших учеников, казённокоштным воспитанником (устаревшее название учащихся некоторых учебных заведений, обучавшихся и содержавшихся полностью за счёт государственных средств, на «казённый кошт») в Царскосельский лицей. Именно там он и начал свою деятельность писателя.

Начало литературной деятельности

В 1844 году Михаил окончил лицей по второму разряду (то есть с чином X класса), к обычным школьным проступкам у Щедрина присоединялось «писание стихов» «неодобрительного» содержания. В лицее под влиянием свежих ещё тогда Пушкинских преданий каждый курс имел своего поэта; на своём курсе эту роль играл Салтыков. Несколько его стихотворений было помещено в «Библиотеке для чтения» 1841 и 1842 годов, когда он был ещё лицеистом; другие, напечатанные в «Современнике» в 1844 и 1845 годах, написаны им также ещё в лицее. Ни одно из стихотворений Михаила Салтыкова (отчасти переводных, отчасти оригинальных) не носит на себе следов таланта. Салтыков скоро понял, что у него нет призвания к поэзии, перестал писать стихи и не любил, когда ему о них напоминали.

В августе 1845 года Михаил Салтыков был зачислен на службу в канцелярию военного министра и только через два года получил там первое штатное место — помощника секретаря. Литература уже тогда занимала его гораздо больше, чем служба: он не только много читал, увлекаясь Жорж Санд и французскими социалистами, но и писал — сначала небольшие библиографические заметки (в «Отечественных записках» 1847г.), потом повести «Противоречия» (там же, ноябрь 1847г.) и «Запутанное дело» (март 1848г.). Уже в библиографических заметках, несмотря на маловажность книг, по поводу которых они написаны, проглядывает образ мыслей автора — его отвращение к рутине, к прописной морали, к крепостному праву; местами попадаются и блёстки насмешливого юмора.

Противоречия

Салтыков-Щедрин

М. Е.

Запутанное дело

Салтыков-Щедрин

М. Е.

1850-е годы

В первой повести М. Е. Салтыкова, «Противоречия», которую он никогда впоследствии не перепечатывал, звучит, сдавленно и глухо, та самая тема, на которую были написаны ранние романы Ж. Санд: признание прав жизни и страсти. Герой повести, Нагибин — человек, обессиленный тепличным воспитанием и беззащитный против влияний среды, против «мелочей жизни». Страх перед этими мелочами и тогда, и позже (например, в «Дороге» в «Губернских очерках») был знаком и самому Салтыкову — но у него это был тот страх, который служит источником борьбы, а не уныния. В Нагибине отразился, таким образом, только один небольшой уголок внутренней жизни автора.

Другое действующее лицо — «женщина-кулак», Крошина — напоминает Анну Павловну Затрапезную из «Пошехонской старины», то есть навеяно, вероятно, семейными воспоминаниями Михаила Салтыкова.

Гораздо крупнее «Запутанное дело», написанное под сильным влиянием «Шинели» Гоголя, может быть, и «Бедных людей» Достоевского, но заключающее в себе несколько замечательных страниц (например, изображение пирамиды из человеческих тел, которая снится Мичулину).

«Россия, — так размышляет герой повести, — государство обширное, обильное и богатое; да человек-то глуп, мрёт себе с голоду в обильном государстве».

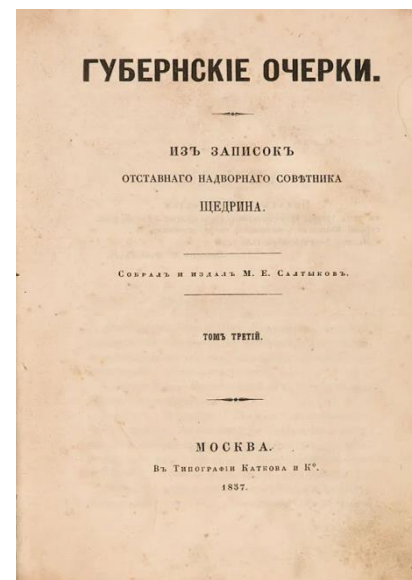
«Жизнь — лотерея», подсказывает ему привычный взгляд, завещанный отцом; *«оно так»*, — отвечает какой-то недоброжелательный голос, — *но почему же она лотерея, почему ж бы не быть ей просто жизнью?»*. «Запутанное дело» появилось в свет как раз тогда, когда Февральская революция во Франции отразилась в России учреждением так называемого *Бутурлинского* комитета, облечённого особыми полномочиями для обуздания печати.

Вятка

В наказание за вольнодумие 28 апреля 1848 года Салтыков был выслан в Вятку (Киров) и 3 июля определён канцелярским чиновником при Вятском губернском правлении.

О службе его в Вятке сохранилось мало сведений, но, судя по записке о земельных беспорядках в Слободском уезде, найденной в его бумагах и подробно изложенной в «Материалах» для его биографии, он горячо принимал к сердцу свои обязанности, когда они приводили его в непосредственное соприкосновение с народной массой и давали ему возможность быть ей полезным. Провинциальную жизнь в самых тёмных её сторонах, в то время легко ускользавших от взора образованной публики, Салтыков узнал как нельзя лучше благодаря командировкам и следствиям, которые на него возлагались.

Богатый запас сделанных им наблюдений нашёл своё место в «Губернских очерках».

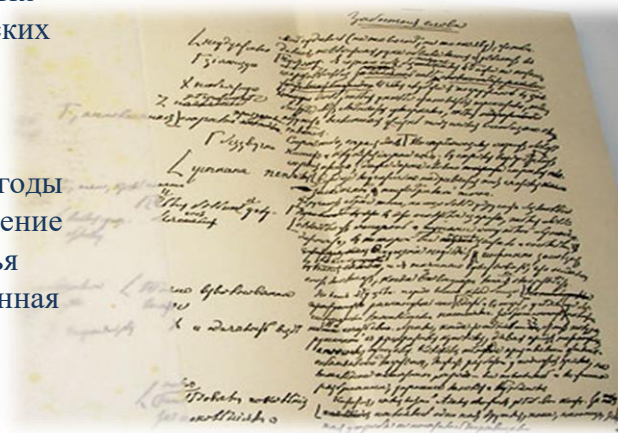

Тяжёлую скуку умственного одиночества Салтыков разгонял внеслужебными занятиями: сохранились отрывки его переводов из А. де Токвиля, Вивьена, П. Шерюэля и заметки, написанные им по поводу известной книги Чезаре Беккариа. Для сестёр Болтиных, дочерей вятского вице-губернатора, из которых одна (Елизавета Аполлоновна) в 1856 году стала его женой, он составил «Краткую историю России». В ноябре 1855 года ему разрешено было, наконец, покинуть Вятку; в феврале 1856 года он был причислен к Министерству внутренних дел, в июне того же года назначен чиновником особых поручений при министре и в августе командирован в губернии Тверскую и Владимирскую для обозрения делопроизводства губернских комитетов ополчения

(созванного, по случаю Крымской войны, в 1855 году).

В его бумагах нашлась черновая записка, составленная им при исполнении этого поручения. Она удостоверяет, что так называемые дворянские губернии предстали перед Михаилом Салтыковым не в лучшем виде, чем недворянская, Вятская; злоупотреблений при снаряжении ополчения им было обнаружено множество. Несколько позже им была составлена записка об устройстве градских и земских полиций, проникнутая мало ещё распространённой тогда идеей децентрализации и весьма смело подчёркивавшая недостатки действовавших порядков.

В октябре 1867 года он был назначен управляющим в Рязань. Эти годы были временем его наименьшей литературной деятельности: в течение трёх лет (1865—1867) в печати появилась только одна его статья «Завещание моим детям» («Современник», 1866, № 1; перепечатанная в «Признаках времени»).

Возобновление литературной деятельности

Вслед за возвращением Салтыкова из ссылки возобновилась, с большим блеском, его литературная деятельность. Имя надворного советника Щедрина, которым были подписаны появлявшиеся в «Русском вестнике» с 1856 года «Губернские очерки», сразу стало одним из самых любимых и популярных.

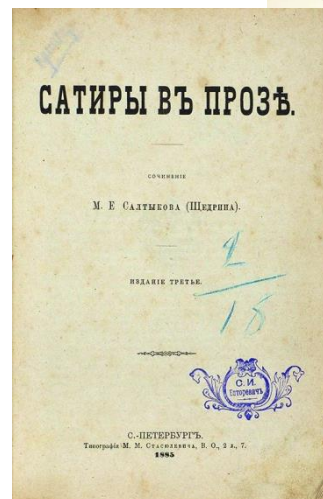
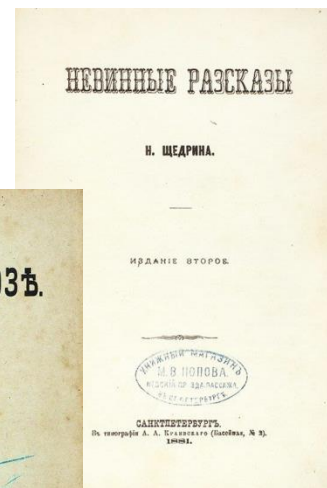
Собранные в одно целое, «Губернские очерки» в 1857 году выдержали три издания (впоследствии — ещё множество). Они положили начало целой литературе, получившей название «обличительной», но сами принадлежали к ней только отчасти. Внешняя сторона мира кляуз, взяток, всяких злоупотреблений наполняет всецело лишь некоторые из очерков; на первый план выдвигается психология чиновничьего быта, выступают такие крупные фигуры, как Порфирий Петрович, как «озорник», первообраз «помпадуров», или «надорванный», первообраз «ташкентцев», как Перегоренский, с неукротимым ябедничеством которого должно считаться даже административное полномочие. Юмор, как и у Гоголя, чередуется в «Губернских очерках» с лиризмом. Чем были «Губернские очерки» для русского общества, только что пробудившегося к новой жизни и с радостным удивлением следившего за первыми проблесками свободного слова, — это легко себе представить. Обстоятельствами тогдашнего времени объясняется и то, что автор «Губернских очерков» мог не только оставаться на службе, но и получать более ответственные должности.

В марте 1858 года Михаил Салтыков был назначен рязанским вице-губернатором, в апреле 1860 года переведён на ту же должность в Тверь. Пишет он в это время очень много, сначала в разных журналах (кроме «Русского вестника» — в «Атенее», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Московском вестнике»), но с 1860 года — почти исключительно в «Современнике» (в 1861 году Салтыков поместил несколько небольших статей в «Московских ведомостях» (ред. В. Ф. Корша), в 1862 году — несколько сцен и рассказов в журнале «Время»). Из написанного им между 1858 и 1862 годами составились два сборника — «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе»; и тот, и другой изданы отдельно три раза (1863, 1881, 1885). В картинах провинциальной жизни, которые М. Е. Салтыков теперь рисует, Крутогорск (то есть Вятка) скоро уступает Глупову, представляющему собою не какой-нибудь определённый, а типичный русский город — тот город, «историю» которого, понимаемого в ещё более широком смысле, несколькими годами позже написал Михаил Салтыков.

Здесь видны как последние вспышки отживающего крепостного строя («Госпожа Падейкова», «Наш дружеский хлам», «Наш губернский день»), так и очерки так называемого «возрождения», в Глупове не идущего дальше попыток сохранить в новых формах старое содержание. Староглуповец *«представлялся милым уже потому, что был не ужасно, а смешно отвратителен; новоглуповец продолжает быть отвратительным — и в то же время утратил способность быть милым»* («Наши глуповские дела»).

«Отечественные записки»

Его тяга к литературе оставалась прежней: как только «Отечественные записки» перешли (с 1 января 1868 года) под редакцию Некрасова, Михаил Салтыков стал одним из их самых усердных сотрудников, а в июне 1868 года окончательно покинул службу и занял должность одного из главных сотрудников и руководителей журнала, официальным редактором которого стал десять лет спустя, после смерти Некрасова. Пока существовали «Отечественные записки», то есть до 1884 года, М. Е. Салтыков работал исключительно для них. Большая часть написанного им в это время вошла в состав следующих сборников: «Признаки времени» и «Письма из провинции», «История одного города», «Помпадуры и Помпадурши», «Господа Ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Господа Головлёвы», «Сборник», «Убежище Монрепо», «Круглый год», «Современная идиллия», «За рубежом», «Письма к тётеньке», «Недоконченные беседы», «Пошехонские рассказы». Сверх того в «Отечественных записках» были напечатаны в 1876 году «Культурные люди» и «Итоги», при жизни Салтыкова не перепечатанные ни в одном из его сборников, но включённые в посмертное издание его сочинений. «Сказки», изданные особо в 1887 году, появлялись первоначально в «Отечественных записках», «Неделе», «Русских ведомостях» и «Сборнике литературного фонда».

После запрета «Отечественных записок» Михаил Салтыков помещал свои произведения преимущественно в «Вестнике Европы»; отдельно «Пёстрые письма» и «Мелочи жизни» были изданы при жизни автора (1886 и 1887), «Пошехонская старина» — уже после его смерти, в 1890 году.

В примечании к своему произведению «Пошехонская старина» Салтыков просил не смешивать его с личностью Никанора Затрапезного, от имени которого ведётся рассказ, но полнейшее сходство многого из сообщаемого о Затрапезном с несомненными фактами жизни Михаила Салтыкова позволяет предполагать, что «Пошехонская старина» имеет отчасти автобиографический характер.

Двадцать лет все крупные явления русской общественной жизни встречали отголосок в произведениях Михаила Салтыкова, иногда предугадывавшего их ещё в зародыше. Это — своего рода исторический документ, доходящий местами до полного сочетания реальной и художественной правды. Занимает свой пост М. Е. Салтыков в то время, когда завершился главный цикл «великих реформ» и, говоря словами Некрасова, «рановременные меры» (рановременные, конечно, только с точки зрения их противников) «теряли должные размеры и с треском пятились назад».

Осуществление реформ попало в руки людей, им враждебных. В обществе всё резче заявляли себя обычные результаты реакции и застоя: мельчали учреждения, мельчали люди, усиливался дух хищения и наживы, всплывало наверх всё легковесное и пустое. При таких условиях для писателя с дарованием Салтыкова трудно было воздержаться от сатиры. Орудием борьбы становится в его руках даже экскурсия в прошедшее: составляя «Историю одного города», он имеет в виду — как видно из письма его к А. Н. Пыпину, опубликованного в 1889 году, — исключительно настоящее. *«Историческая форма рассказа, — говорит он, — была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни... Критик должен сам угадать и другим внушить, что Парамоша — совсем не Магницкий только, но вместе с тем и NN. И даже не NN., а все вообще люди известной партии, и ныне не утратившие своей силы».*

«Историю одного города» литературоведы назвали вершиной его сатирического искусства. В романе автор в ироничном тоне описал жизнь в вымышленном городе Глупове, а также высмеял деятельность градоначальников и его приближенных, которые в разное время там правили.

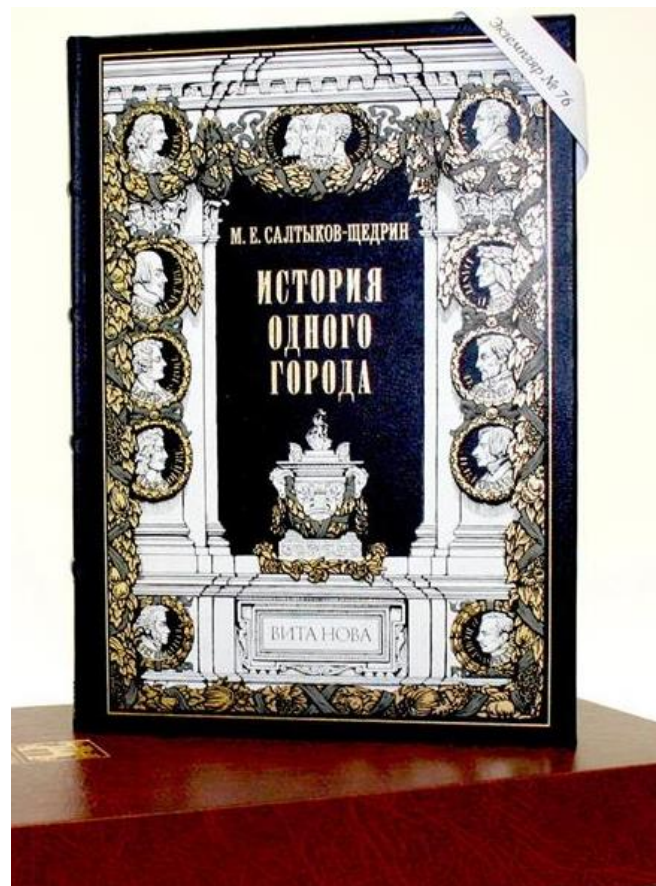
Прототипами некоторых героев были императоры Петр I, Петр III, Павел I, Александр I, Николай I, а также государственные деятели Михаил Сперанский и граф Алексей Аракчеев.

В 1870 году произведение вышло отдельным изданием.

Русский писатель Иван Тургенев похвалил книгу и отметил, что в ней отражена «сатирическая история русского общества во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия».

А публицист Алексей Суворин, напротив, выпустил статью «Историческая сатира», где писал, что Салтыков-Щедрин глумится над русским народом и искажает исторические факты.

На это сатирик ответил: *«Я же, благодаря моему создателю, могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они... направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят».*

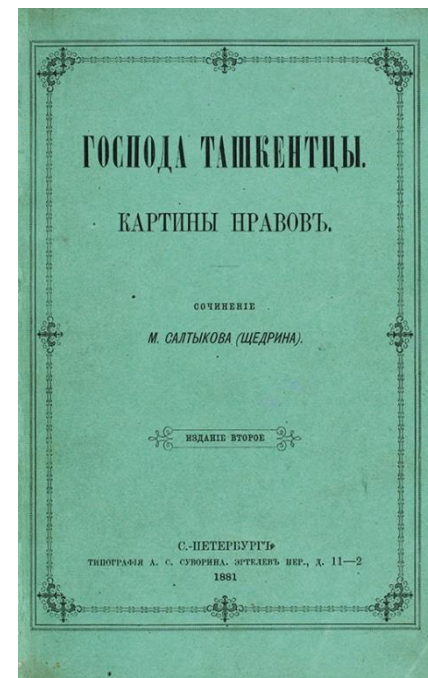
Сатира всегда преследует одну и ту же цель, всё равно, идёт ли речь о прошедшем или о настоящем. Всё написанное Михаилом Салтыковым в первой половине 1870-х годов даёт отпор отчаянным усилиям побеждённых реформами предыдущего десятилетия — снова завоевать потерянные позиции или вознаградить себя, так или иначе, за понесённые утраты.

В «Письмах о провинции» историографы — то есть те, что издавна делали русскую историю — ведут борьбу с новыми сочинителями; в «Дневнике провинциала» сыплются, как из рога изобилия, прожекты, выдвигающие на первый план «благонадёжных и знающих обстоятельства местных землевладельцев»; в «Помпадурах и Помпадуршах» крепкоголовые «экзамеуют» мировых посредников, признаваемых отщепенцами дворянского лагеря.

В «Господах ташкентцах» мы знакомимся с «просветителями, свободными от наук» и узнаём, что «Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем». Отсюда и строгость его к некоторым органам печати, занимавшимся, по его выражению, «пенкоснимательством». В пылу борьбы Салтыков мог быть несправедливым к отдельным лицам, корпорациям и учреждениям, но только потому, что у него всегда было высокое представление о задачах эпохи.

«Литература, например, может быть названа солью русской жизни: что будет, — думал Михаил Салтыков, — если соль перестанет быть солёною, если к ограничениям, не зависящим от литературы, она прибавит ещё добровольное самоограничение?..»

С усложнением русской жизни, с появлением новых общественных сил и видоизменением старых, с умножением опасностей, грозящих мирному развитию народа, расширяются и рамки творчества Салтыкова.

Ко второй половине 1870-х годов относится создание им таких типов, как Дерунов и Стрелов, Разуваев и Колупаев. В их лице хищничество с небывалой до тех пор смелостью предъявляет свои права на роль «столпа», то есть опоры общества — и эти права признаются за ним с разных сторон как нечто должное (припомним станового пристава Грацианова и собирателя «материалов» в «Убежище Монрепо»).

Ещё печальнее картины, представляемые разлагающейся семьёй, непримиримым разладом между «отцами» и «детьми».

«Больное место» (напечатано в «Отечественных записках» 1879 г., перепечатано в «Сборнике»), в котором этот разлад изображён с потрясающим драматизмом — один из кульминационных пунктов дарования М. Е. Салтыкова. «Хандрящим людям», уставшим надеяться и изнывающим в своих углах, противопоставляются «люди торжествующей современности», консерваторы в образе либерала (Тебеньков) и консерваторы с национальным оттенком (Плешивцев), узкие государственники, стремящиеся, в сущности, к совершенно аналогичным результатам, хотя и отправляющиеся один — «с Офицерской в столичном городе Петербурге, другой — с Плющихи в столичном городе Москве».

С особым негодованием обрушивается сатирик на «литературные клоповники», избравшие девизом: «мыслить не полагается». В литературу, к глубокому сожалению писателя, вторгается улица, «с её бессвязным галденьем, низменной несложностью требований, дикостью идеалов» — улица, служащая главным очагом «шкурных инстинктов».

Великим художником является Салтыков и в «Господах Головлёвых».

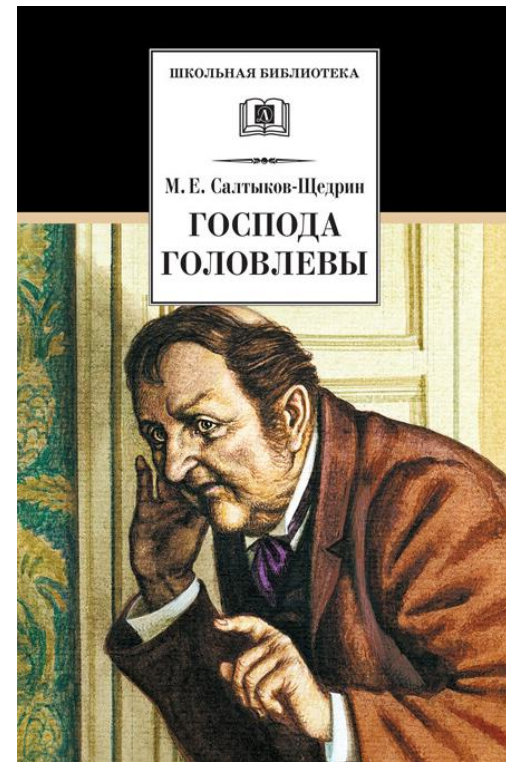
Члены Головлёвской семьи, этого странного продукта крепостной эпохи — не сумасшедшие в полном смысле слова, но повреждённые совокупным действием физиологических и общественных условий.

Внутренняя жизнь этих несчастных, исковерканных людей изображена с такой рельефностью, какой редко достигает и российская, и западноевропейская литература.

Это особенно заметно при сравнении картин, аналогичных по сюжету, — например, картин пьянства у Михаила Салтыкова (Степан Головлёв) и у Золя (Купо, в «Западне»). Последняя написана наблюдателем-протоколистом, первая — психологом-художником. У Салтыкова нет ни клинических терминов, ни стенографически записанного бреда, ни подробно воспроизведённых галлюцинаций; но с помощью нескольких лучей света, брошенных в глубокую тьму, перед нами восстаёт последняя, отчаянная вспышка бесплодно погибшей жизни.

В пьянице, почти дошедшем до животного отупения, мы узнаём человека. Ещё ярче обрисована Арина Петровна Головлёва — и в этой чёрствой, скаредной старухе Салтыков также нашёл человеческие черты, внушающие сострадание. Он открывает их даже в самом «Иудушке» (Порфирии Головлёве) — этом *«лицемере чисто русского пошиба, лишённом всякого нравственного мерила и не знающем иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях»*. Никого не любя, ничего не уважая, заменяя отсутствующее содержание жизни массой мелочей, Иудушка мог быть спокоен и по-своему счастлив, пока вокруг него, не прерываясь ни на минуту, шла придуманная им самим суматоха.

Внезапная её остановка должна была разбудить его от сна наяву, подобно тому, как просыпается мельник, когда перестают двигаться мельничные колёса.

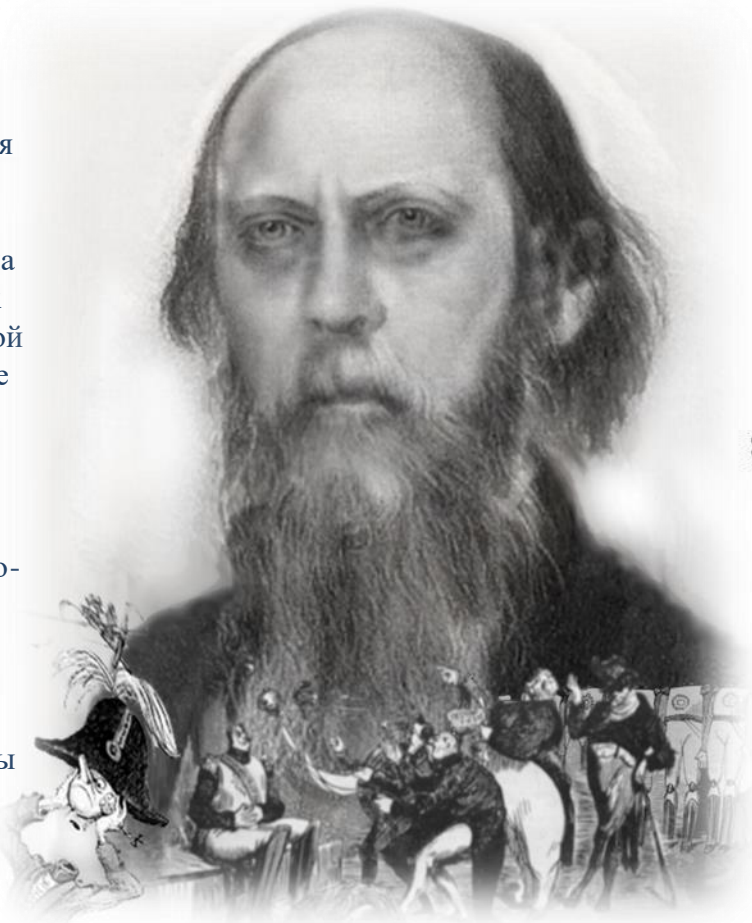

Однажды, очнувшись, Порфирий Головлёв должен был почувствовать страшную пустоту, должен был услышать голоса, заглушавшиеся до тех пор шумом искусственного водоворота.

В изображении кризиса, переживаемого Иудушкой и ведущего его к смерти, нет ни одной фальшивой ноты, и вся фигура Иудушки принадлежит к числу самых крупных созданий Михаила Салтыкова.

Рядом с «Господами Головлёвыми» должна быть поставлена «Пошехонская старина» — удивительно яркая картина тех основ, на которых держался общественный строй крепостной России. М. Е. Салтыков не примирён с прошедшим, но и не озлоблен против него; он одинаково избегает и розовой, и безусловно-чёрной краски. Ничего не скрашивая и не скрывая, он ничего не извращает — и впечатление получается тем более сильное, чем живее чувствуется близость к истине. Если на всём и на всех лежит печать чего-то загадочного, обособляющего и властителей, и подвластных, то ведь именно такова и была деревенская дореформенная Россия.

Мало таких нот, мало таких красок, которых нельзя было бы найти у М. Е. Салтыкова. Сочинения его существуют и в переводах на иностранные языки, хотя своеобразный стиль писателя представляет для переводчика чрезвычайные трудности.

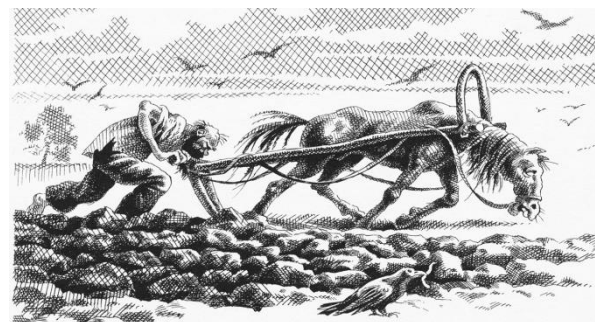
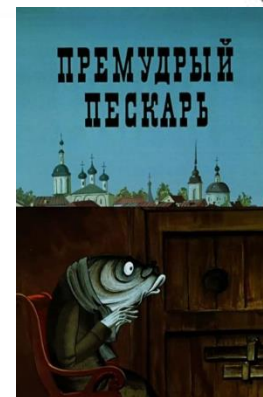
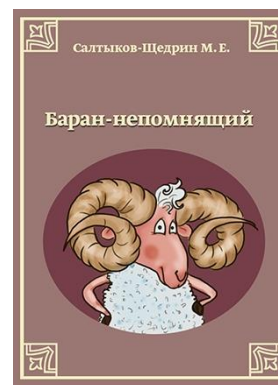
Иногда (в одном из «Писем к тётеньке») Салтыков надеется на будущее, выражая уверенность, что русское общество *«не поддастся наплыву низкопробного озлобления на всё выходящее за пределы хлевой атмосферы»*; иногда им овладевает уныние при мысли о тех *«изолированных призывах стыда, которые прорывались среди масс бесстыжества — и канули в вечность»* (конец «Современной идиллии»).

Наблюдая со своей сторожевой башни изменчивые картины настоящего, Михаил Салтыков никогда не переставал вместе с тем вглядываться в неясную даль будущего.

Сказки

Сказочный элемент, своеобразный, мало похожий на то, что обыкновенно понимается под этим именем, никогда не был совершенно чужд произведениям М. Е. Салтыкова: в изображения реальной жизни у него часто врывается то, что он сам называл волшебством. Это — одна из тех форм, которые принимала сильно звучавшая в нём поэтическая жилка. В его сказках, наоборот, большую роль играет действительность, не мешая лучшим из них быть настоящими «стихотворениями в прозе». Таковы «Премудрый пескарь», «Бедный волк», «Карась-идеалист», «Баран непомнящий» и в особенности «Коняга». Идея и образ сливаются здесь в одно нераздельное целое: сильнейший эффект достигается самыми простыми средствами.

Немного найдётся в российской литературе таких картин русской природы и русской жизни, какие раскинуты в «Коняге». После Некрасова ни у кого не слышалось таких стонов душевного голоса, вырывааемых зрелищем нескончаемого труда над нескончаемой задачей.

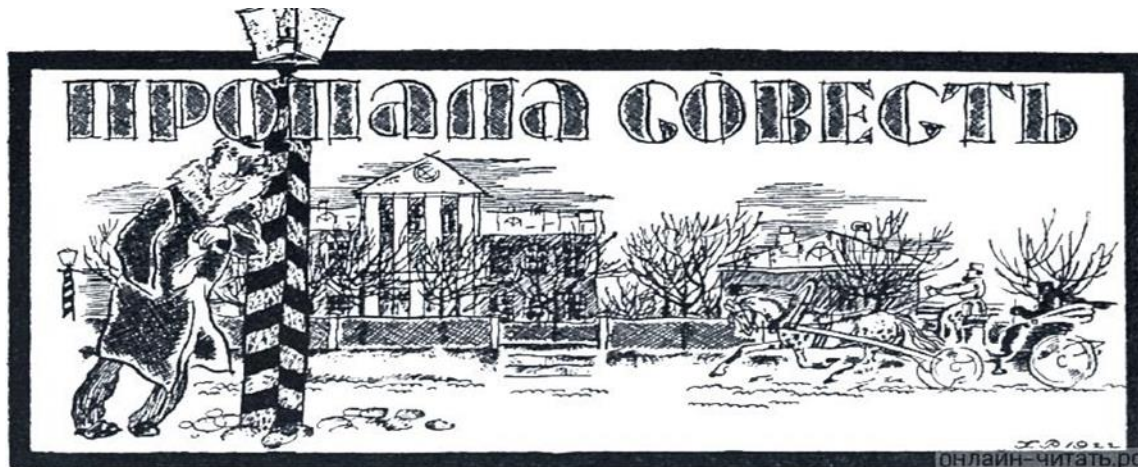

Коняга

В одной из самых ранних и самых лучших его сказок («Пропала совесть») совесть, которую все тяготятся и от которой все стараются отделаться, говорит своему последнему владельцу: *«отыщи ты мне маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня в нём: авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведёт да и в люди потом со мной выйдет — не погнушается... По этому её слову так и сделалось.*

Отыскал мещанишка маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил в нём совесть. Растёт маленькое дитя, и вместе с ним растёт в нём и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нём большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама».

Эти слова, полные не только любви, но и надежды, — завет, оставленный Михаилом Салтыковым русскому народу.

Список использованной литературы:

1. Горячкина, М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячкина. - 2-е издание, исправленное и дополненное – Москва : Просвещение, 1976. - 240 с.
2. Дмитренко, С. Ф. Щедрин: незнакомый мир знакомых книг / С. Ф. Дмитренко. - 2-е издание – Москва : МГУ, 1999. - 82 с.
3. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин. - Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1976. - 253 с.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Сатирические романы и сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. - Москва : Московский рабочий, 1987. - 512 с.
5. Салтыков-Щедрин, М. Е.. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Детская литература, 1979. - 143 с.
6. Салтыков-Щедрин, М. Е. Господа Головлевы. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. - Москва : Художественная литература, 1985. - 367 с.
7. Соколова, К. И. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин / К. И. Соколова. - Москва : Просвещение, 1993. - 160 с.
8. Чечнева, А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Рязани. По местам жизни, деятельности и творчества : книга-путеводитель в трех частях / А. В. Чечнева. - Рязань : Поверенный, 2008. - 369 с.

Книги М.Е. Салтыкова-Щедрина есть в Центральной городской библиотеке имени С.А. Есенина по адресу: Первомайский проспект, д. 74/1; тел. 30-03-05 и в библиотеках-филиалах ЦБС г. Рязани. Информацию о местоположении библиотек можно найти на сайте МБУК «ЦБС г. Рязани».

Обзор подготовила Желтова Е.Н., ведущий библиограф
информационно-библиографического отдела
Центральной городской библиотеки имени С.А. Есенина